

Е. Г. Веселов, иерей

КОСТРОМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ,
КОСТРОМА, РОССИЯ

Неопротестантизм и неоязычество как формы оппозиции православному христианству в России

Аннотация. В средневековой Руси и даже позже быть русским значило быть православным. Но сегодня неоязычество предлагает в качестве эталона образ человека истинно русского, верующего, но не православного. Поэтому представляется небезынтересным сравнение духовного пути неопротестантов и неоязычников, равно стремящихся удалить верующих из Православной Церкви и предлагающих альтернативные перспективы духовной жизни. В качестве рабочей гипотезы исследования обозначим в обоих случаях корреляцию между необходимостью отторжения верующих от господствующей Церкви и культивированием в них греха гордости — позиции личного выбора и постоянного конструирования убедительной картины мира как эталона правильной веры. Тогда неопротестантизм и неоязычество представляют собой разные формы горделивого превозношения ограниченного человеческого разума над истиной, некогда данной Богом и хранящейся в Церкви. Практической реализацией этой идеи стала принципиальная позиция личного выбора и постоянного конструирования убедительной картины мира как эталона правильной веры. Для неопротестантов личная свобода имеет безусловный приоритет перед традицией, и поэтому, как и у неоязычников, для них не имеет решающего значения принадлежность к конкретной общине. Вместе с тем неоязычество культурологически представляет собой пример перехода от модерна к постмодерну, будучи примером веры

в любые концепции, даже очевидно искусственные, эклектичные или недавно придуманные. В статье, опираясь на свидетельства прп. Иоанна Лествичника и свт. Луки (Войно-Ясенецкого), показывается, что пребывание в ереси или иноверии указывает на богословское невежество и неутверждённости своих адептов. Это, в свою очередь, рождает ложь и другие страсти, примеры которых приведены в статье. Неопротестантов и неоязычников роднят также принципиальный антиисторизм и уничтожение Святого Духа. В конечном счёте все они вынуждены постоянно дополнять и конструировать собственную веру, отталкиваясь от некоторых общепринятых принципов. Поэтому нынешние тенденции изменения доктрин неопротестантов и неоязычников в своей основе зачастую несут согласие с «духом времени» и авторитетом общественного мнения.

Ключевые слова: неопротестантизм, неопятидесятничество, неоязычество, родноверие, миссиология

Для цитирования: Веселов Е. Г., иерей. Неопротестантизм и неоязычество как формы оппозиции православному христианству в России // Ортодоксия. — 2022. — № 3. — С. 81–102. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-81-102

В средневековой Руси и даже позже быть русским значило быть православным. Самоидентификация себя как русского предполагала, конечно, не только формальное причисление себя к верующим, но исполнение минимума обязанностей воцерковлённого христианина: регулярное хождение в храм, участие в таинствах, хранение постов и постных дней и проч. Наши благочестивые предки верили, что уже имеют истину в Лице Господа Иисуса Христа и эта истина открывает им перспективу войти в вечную жизнь. Вопрос о выборе какой-то лучшей веры для них не стоял не потому, что об этих верах не было известно (ведь на Руси, например, бывали купцы из разных стран), а именно в силу свойственного Церкви представления об обладании полнотой истины. Это самоощущение подтверждалось и святыми отцами, учившими об уникальности Православной Церкви. Например, свт. Иоанн Златоуст, отправляясь в ссылку, восклицал: «Если не веришь слову, верь делам. Сколько было тиранов, хотевших одолеть Церковь! Сколько сковород! Сколько печей, звериных зубов, изошрённых мечей! И не одолели. Где враждовавшие?

Они умолкли и преданы забвению. А где Церковь? Она сияет светлее солнца. Их дела исчезли, а дела её бессмертны. Если христиане не побеждены тогда, когда были малочисленны, то как ты можешь победить их, когда благочестием полна вселенная? *Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут* (Мф. 24:35). И весьма справедливо, потому что для Бога Церковь вождеднее неба. Небесного тела не принял Он, а плоть Церкви принял. Небо для Церкви, а не Церковь для неба» (Иоанн Златоуст 2017: 447). Сходным образом мыслила о себе и Западная Церковь.

Однако с наступлением эпохи Возрождения мерой всех вещей на Западе стал уже не Бог и не церковное учение, а сам человек. В условиях наступающего господства антропоцентризма возникает протестантизм, во главу угла поставивший личный выбор христианина, но пока отрицавший религиозный выбор вне Христа. Поэтому и первая русская реплика западной доктрины свободы совести — старообрядчество — поставила верующих в условия выбора правильной Церкви при условии сохранении внешних атрибутов церковности.

Дальнейшее развитие принципа личного выбора правильной веры привело у нас не только к дроблению старообрядчества, но и к прямому импорту с Запада новых для нашего Отечества вероучительных систем, ставших в оппозицию не только к Церкви, но и к традиционному церковному образу жизни и благочестия. Распространение этих общин и деноминаций происходило преимущественно за счёт отторжения верующих от Православной Церкви с позиций личного выбора правильной, якобы живой веры против обрядового и потому как бы мёртвого православия.

Послереволюционная эпоха добавила к этому идеологически мотивированные гонения со стороны государства. Атеизм объявлялся не просто единственно допустимой формой решения мировоззренческих вопросов, но и лучшей по сравнению с христианством системой взглядов, отвечающей на любые запросы ищущего ума. Большинство наших соотечественников было искренне убеждено в правильности и «научности» своего атеистического мировоззрения.

Рубеж XX–XXI веков сформулировал ряд новых вызовов для Церкви и верующих. Если в советское время основная опасность исходила от государства, то теперь появился целый ряд новых религиозных организаций, предлагающих альтернативу более привычным в обществе православию и атеизму. Некоторые из этих религий позиционируют себя как принципиально новые для России, тогда как другие ставят себя в оппозицию

лишь к православию, но не к России. Уже не только лютеране и реформаты, но даже нередко (и напрасно) называющие себя протестантами баптисты и неопятидесятники иногда преподносят себя как традиционные для России религии, имеющие исторические корни и успешно вписывающиеся в новые социальные и культурные реалии.

Наряду с этим возникло неоязычество. Наши предки некогда категорически отказались от древнего язычества, найдя в Церкви удовлетворение своим религиозным потребностям и — главное — истину и живого Бога. Иными словами, для древних славян язычество выглядело как слабая религия. Оно не было сверхъестественным откровением Божества, не претендовало на обладание абсолютной истиной, не давало надежды на преодоление смерти. Наконец, для них было очевидно, что Бог христиан и в этом мире сильнее языческих богов. В новой для них религии они получили живое ощущение богообщения, которого не имели в язычестве.

Нынешнее язычество, напротив, стало осознанным и зачастую лукавым ответом на христианство. Этот ответ дан в плоскости веры, истории, самоидентификации верующих. Неоязычество предлагает в качестве эталона образ человека истинно русского, верующего, но не православного. Поэтому представляется небезынтересным сравнение духовного пути неопротестантов и неоязычников, равно стремящихся удалить верующих из Православной Церкви и предлагающих альтернативные перспективы духовной жизни. В качестве рабочей гипотезы исследования обозначим в обоих случаях корреляцию между необходимостью отторжения верующих от господствующей Церкви и культивированием в них греха гордости — позиции личного выбора и постоянного конструирования убедительной картины мира как эталона правильной веры.

Исторически протестантизм, как известно, начался с протеста верующих против злоупотреблений католиков: активное меньшинство выступило против господствующей церковной организации, поставив выше церковного учения свою личную веру и образ благочестия. Сходным образом действовали и преемники протестантов, оказываясь в новых для них странах. Везде они отстаивали принцип свободы совести, отрицали право государства поддерживать господствующую религию.

Тем самым протестанты отрицали непрерывность передачи правильной веры и образа богопочитания в Церкви от Иисуса Христа и Святого Духа до Второго Пришествия. Вместо *веры, однажды преданной святым*

(Иуд. 3), которая сохраняется в Церкви, они пришли к вере, выводимой соответствующей деноминацией и каждым конкретным верующим на основании Священного Писания — истинного слова Божия. Таким образом, вместо традиции появилось новое основание формулирования правильной веры: личное мнение. Антропоцентризм эпохи Возрождения создал для такого решения духовно-идеологическую основу, сделав человека мерой всех вещей, в том числе и духовных. По справедливому замечанию сщмч. Илариона Верейского, «протестантизм надел папскую тиару на каждого немецкого профессора и со своим бесчисленным количеством пап совершенно уничтожил идею Церкви, подменил веру рассудком отдельной личности, а спасение в Церкви подменил мечтательной уверенностью в спасение через Христа без Церкви, с себялюбивой обособленностью от всех» (Иларион Троицкий 2004: 193–194).

С тех пор наследники протестантов продолжают утверждаться в правильности избранного духовного пути. В наше время в России классических протестантов ничтожно мало, но весьма велико количество исповедующих их ключевые подходы неопротестантов (баптистов, адвентистов, пятидесятников, харизматов и т. д.).

Находясь в ситуации примата личной свободы над традицией, неопротестанты, по общему правилу, не ставят своё спасение и духовный рост в зависимость от принадлежности к конкретной общине. Исключением стали немногочисленные формы неопротестантских деноминаций, создавшие полноценные квазицерковные структуры, претендующие на полную замену апостольской Церкви через создание новой еkkлeзиологии. Речь идёт в первую очередь об адвентистах с доктриной «Церкви Остатка» и свидетелях Иеговы с «верным и благоразумным рабом». Для этих организаций представление о спасении оказывается более сложным: они отстаивают личный выбор веры для всех, кроме себя. Поэтому они требуют от инаковерующих свободного обсуждения основ их веры, но если речь зайдёт об их собственной организации, то отказываются признавать у неё возможность ошибки. Особенно этим отличаются свидетели Иеговы, у которых как бы двойная логика: одна — для «внешних», а другая — для оправдания самого себя и своей религиозной организации¹.

¹ Пермяков А., иерей. «Вефильский гамбит» // Азбука веры. — URL: <https://azbyka.ru/vefils kij-gambit> (дата обращения: 28.12.2021).

Не считая этих достаточно немногочисленных исключений, неопротестантизм стоит на фундаменте принципа спасения только по вере, полностью вписывающегося в культурологическую парадигму модерна. Если человек есть мера всех вещей, а вера принадлежит самому человеку, то он оказывается самодовлеющим для своего спасения. Богу принадлежит как бы техническая функция по обеспечению условий этого спасения. Такая доктрина лишает Бога присущей Ему справедливости и статуса Судьи, хотя и сохраняет само представление о едином всемогущем Боге Троице. Отрывая, однако, спасение от исполнения заповедей, данная концепция создаёт условия для формулирования новых вер, в которых помощь высших сил также будет изолирована от личной нравственности, но при этом будет устранена и неудобная для личной свободы связанность верующего внешним авторитетом Писания.

Эта задача была поставлена и решена в рамках новой культурологической парадигмы — постмодерна. Отказавшиеся от самой идеи единого Бога и ясного внешнего авторитета, превратившие всё в некую неочевидную игру без понятного смысла, люди по-прежнему нуждались в какой-нибудь вере, потому что стремление верить вложено в наше естество всемогущим Создателем. В этой жажде веры — причина и залог успеха движения неоязычества, которое в разных формах с середины XX века начало покорять мир, особенно не утверждённую в христианской вере молодёжь.

Отвергнув личного Бога, неоязычники вынужденно отказались и от представления об универсальности своих верований, и от организационного единства. Как известно, до сих пор неоязычники не смогли создать какого-то централизованного объединения, а существующие нестабильны и текучи. В целом они демонстрируют неустойчивое отношение к возможной централизации и контактам с государственными органами, причём большинство из попавших в поле зрения социологов респондентов не входили в какие-то языческие организации (Шиженский 2016: 202–206; Шиженский 2018).

Доктрины нынешних неоязычников также чрезвычайно разнообразны. Некоторые склоняются к скрытому монотеизму, считая всех богов проявлениями единого Бога. Другие исповедуют грубый политеизм и пантеизм. Общим для всех является лишь декларируемое восстановление дохристианского славянского язычества.

Отсутствие оригинальных письменных источников привело неоязычников к созданию и активной эксплуатации различных подлогов,

в первую очередь — «Велесовой книге», страдающей многочисленными анахронизмами и крайне несостоятельной в плане палеографии и орфографии (Что думают 2004). Наряду с этим собственная мифология активно восполняется новыми текстами, которым придаётся решающее вероучительное значение. Некие аналоги таким текстам можно найти у наиболее радикальных неопротестантов: у адвентистов — труды Елены Уайт и издания Генеральной конференции АСД; у свидетелей Иеговы — любые сочинения под эгидой Общества Сторожевой башни.

Тем не менее, несмотря на смену культурологической парадигмы и различное отношение к Богу Библии, между неоязычниками и неопротестантами сохранилось много общего. При анализе этих общих концептов следует учитывать специфику источниковой базы. Так, автор статьи опирался не только на опубликованные результаты исследований, но и на материалы Интернет-форумов, а также на личное общение, преимущественно с различными неопротестантами. В части генезиса неопротестантизма в основу статьи положены материалы, нашедшие отражение в нашей кандидатской диссертации (Веселов 2018) и монографии (Веселов 2019). Методологической основой для подобного рода исследований, по твёрдому убеждению автора, может и должно стать Слово Божие, являющееся окончательным авторитетом во всех духовных вопросах на все времена, а также творения святых отцов Православной Церкви, на которых исполнилось слово Писания: *Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2:15–16).

Как известно, новейшие ереси зачастую лишь воспроизводили в новых условиях те ереси, которые уже существовали в древности. Так, сами свидетели Иеговы возводят своё учение о Боге к арианству². Святые отцы настойчиво опровергали попытки узнать *времена или сроки* (Деян. 1:7). Например, так учат свт. Иоанн Златоуст (беседа 9-я на Второе послание к Фессалоникийцам), свт. Кирилл Иерусалимский (15-е огласительное поучение), свт. Ипполит Римский (толкование на книгу прор. Даниила). Однако вопреки этому запрету основатели адвентизма и иеговизма доказывали сроки наступления Второго Пришествия. Преемниками древних монтанистов с их харизматическими дарами (II в.) стали пятидесятники с доктриной о «крещении Духом Святым» и даром глоссолалии.

² «Святая троица» — поддерживается ли она Библией? // Сторожевая башня. — 1987. — 15 ноября. — С. 4–7.

Подобно пелагианам, отрицавшим крещение младенцев, учат и нынешние баптисты; их опровергает 124-е правило Карфагенского Собора (418 г.). Итак, учения древних и современных еретиков сходны; тем более сходны должны быть и их духовные причины, потому что за прошедшие века не изменились ни природа человека, ни законы духовной жизни — как страсти падшего естества, так и евангельские добродетели.

По этой же причине изучение общих закономерностей появления и укрепления новых религиозных учений должно в конечном счёте привести к тому, чтобы помочь устранить негативные процессы в жизни Церкви, ставшие предпосылкой ухода из неё верующих.

В основу исследования духовных причин формирования и развития любой ереси следует полагать слова ап. Петра, который, давая высокую оценку посланиям возлюбленного нашего брата Павла, в то же время отметил, что в них *есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают, как и прочие Писания* (2 Пет. 3:16). Основываясь на этом объяснении, свт. Лука (Войно-Ясенецкий) учит, что «в секты уходят люди невежественные, не утверждённые в истине, и учение своё создают, будучи проникнуты самым тяжким пороком, самым тяжким грехом — сатанинским грехом гордости»³. Таким образом, главной причиной возникновения лжеучений, по справедливому замечанию прп. Иоанна Лествичника, является гордость, потому что «где совершилось грехопадение, там прежде водворялась гордость; ибо провозвестник первого есть второе» (Иоанн Лествичник 2004: 189; Лествица 23, 4). Гордость, в свою очередь, рождает ложь и прочие страсти не возрождённого Святым Духом человека. Итак, прп. Иоанн и свт. Лука увязывают гордость с ересью, невежеством и неутверждённостью в истине.

Невежество свойственно, по словам прп. Симеона Нового Богослова, тем людям, которые готовы «колебаться всяким чуждым еретическим учением», вместо того чтобы «быть твёрдым в правых догматах Церкви» (Симеон Новый Богослов 2011: 60; Слово 45, 10). В самом деле, сомнение в церковном учении вплоть до его отвержения характерно для любого еретика. Невежество, т. е. незнание божественной истины и замена её человеческими измышлениями, есть обязательный атрибут

³ Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Об участии еретиков. Слово в первую неделю Великого поста. Беседы в дни Великого поста и Страстной седмицы // Азбука веры. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenskij/besedy-v-dni-velikogo-posta-i-strastnoj-sedmitsy (дата обращения: 28.12.2021).

любой ереси. Каждый еретик, создавая привлекательную для самого себя и своих последователей новую вероучительную систему, противоречит Христу как Главе Церкви, потому что Господь уже дал Церкви Своё вечное учение.

Так, невежество и гордость заставили основателей адвентизма и иеговизма сформулировать лжепророчества о дате Второго Пришествия соответственно в 1844 и 1914 годах, вопреки словам Самого Христа: *Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1:7). Не имея смирения, они не принесли покаяния, когда лжепророчества не сбылись, но по гордости и невежеству дали им новое, «духовное» толкование. Подобным образом и неоязычники по гордости отвергли своего Искупителя и Творца, а по невежеству — создали различные неисторические реконструкции древнего язычества. В этом проявилась и их общая неутверждённость — желание найти истину исключительно самостоятельно, не опираясь на традицию толкования.

Отрицая опыт Церкви, неопротестанты и неоязычники вынуждены были искать для себя иной образец веры и благочестия. Поэтому их роднит представление о загранице как месте обретения истинной веры. Все неопротестантские конфессии пришли к нам с Запада; там же родился идеологический посыл неоязычества, творчески развитый отечественными идолопоклонниками. При этом наши неоязычники специально искали свои идеи в иностранных источниках. Отсюда контакты с зарубежными неоязыческими организациями (в частности, польскими и прибалтийскими) в целях собственной легитимации (Шиженский 2017), неофашистские лозунги А.А. Добровольского («Доброслава»), позаимствовавшего их у немецких военнопленных в лагерях, а также использование оккультных терминов (карма, дхарма, медитация, эгрегор и проч.) и идей наряду с языческими обрядами, не характерными для славян, вплоть до непосредственного взаимодействия с кришнаитами и индуистами (Гайдуков 2016: 45–46), так что это иногда вызывает конфликт в среде самих язычников⁴.

Всё это приводит их к принципиальному антиисторизму. Так, неопротестанты либо просто игнорируют историческое развитие Церкви, либо излагают историю Церкви следующим образом: подробно при апостолах,

⁴ Официальное заявление Круга Языческой Традиции и Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры от 25 декабря 2009 г. // Союз славянских общин славянской родной веры. — URL: <http://www.rodnovery.ru/dokumenty/o-podmenakh-ponyatij> (дата обращения: 28.12.2021).

крайне обзорно до начала IV века, несколько критических слов о последующих веках и вновь подробно — начиная с Реформации. Например, так построена знаменитая «Великая борьба» адвентистской «пророчицы» Елены Уайт (Уайт 2006). Или же предлагается ещё более краткий вариант — Церковь при апостолах, а затем её «восстановление» в соответствующей новой религиозной традиции (особенно наглядно этот подход прослеживается у свидетелей Иеговы). Подобно и неоязычники отказываются доверять многочисленным письменным свидетельствам о дохристианском прошлом нашей страны, заменяя их собственными домыслами по широкому кругу вопросов — от христианского выбора князя Владимира (Шиженский 2009) до реконструкций языческих обрядов, дающих иллюзорное ощущение «причастности к древности» (Ларина 2015: 92–93). Эти реконструкции нередко основываются на традициях, не имеющих никакого отношения к славянскому язычеству (например, на обрядах сибирского шаманизма (Яшин 2017: 112), и свидетельствуют о крайнем эклектизме (Гайдуков 2016: 46).

Одним из фундаментов неопротестантизма и особенно неоязычества стала ложь. Её можно найти в их книгах и статьях, пропагандистских видеоматериалах, во взаимных обличениях. Как заметил один из идеологов неоязычества И. Черкасов («волхв Велеслав»), «я сам не знаю, во что я конкретно верю. В том смысле, что мне не важно, кто такие эти боги. Важно то, как мы к ним относимся, кем мы их считаем. А есть ли они или нет — это не важно»⁵. Такое мнение на первый взгляд кажется похожим на агностицизм. Однако надо помнить, что его автор — языческий «волхв», устраивающий «богослужения» перед этими «богами» (которых, по его словам, может быть, и вовсе нет).

Подобно многие деятели адвентизма, иеговизма и пятидесятничества применяли ложь как средство наживы, удержания личной власти и борьбы с инакомыслящими. Многократно засвидетельствованы лживость Е. Уайт в вероучении и в частной жизни, её плагиат и лжепророчества⁶ (Веселов 2018: 33–36). В свою очередь, Ч. Расселл с помощью лжи зарабатывал на простодушных американцах, продавая им «чудо-пшеницу», предлагая ложные пророчества, меняя толкования Писания

⁵ Максимов Г., свящ. «Всё то, что говорили о христианстве неоязычники, — враньё». Беседа с бывшим неоязычником Иваном Лисковым // Православие.ru. — 2015. — 14 мая. — URL: <https://pravoslavie.ru/79270.html?ysclid=l8d55e6txb811569920> (дата обращения: 28.12.2021).

⁶ Касперсен А., Эллен Г. Уайт — миф и правда // Азбука веры. — URL: <https://azbyka.ru/otechnik/sekty/ellen-g-uajt-mif-i-pravda> (дата обращения: 28.12.2021).

и текущих событий и не смущаясь разоблачениями (Мартин 1992: 40–46). Знаменитый украинский проповедник и основатель «Посольства Божья» Сандей Аделаджа активно строил «финансовые пирамиды», обманывал разных людей и долгое время жил в блуде, за что впоследствии был отстранён от всех видов служения в своей церковной организации⁷. Пауэр-иванджелизм обещает различные исцеления, но многие «исцелённые» потом всё так же продолжают болеть.

В той или иной форме еретики уничижают Лицо Святого Духа. Некоторые (как свидетели Иеговы и адвентисты в первые десятилетия своего существования) прямо отказывают Ему в личном бытии и божественном статусе. С другой стороны, баптисты, пятидесятники и нынешние адвентисты существенно приуменьшают Его участие в нашем спасении. Решающим для спасения они признают оправдание во Христе, а освящение как бы механически следует за ним и является преимущественно интеллектуальным знанием (Форнлайнс 1996: 193–217). Этой же цели служит *filioque*, подчёркивающее второстепенное место Святого Духа. Напротив, для святых отцов характерен акцент на освящающее действие Святого Духа в целом в Церкви и на отдельных христиан. Так, свт. Феофан Затворник указывает, что евангельская благодать Святого Духа сообщается через таинства в Церкви, тогда как баптисты таинства отвергают, а Церковь как Тело Христово, по сути, им неизвестна (Феофан Затворник 2011: 162–194). В свою очередь, неоязычники вообще отрицают личного Бога либо оценивают Его действие в мире и взаимоотношения с человеком в парадигме New Age: без Спасителя, Искупления, авторитета Писания и Церкви, без таинств и освящения верных.

Ещё одной причиной появления и распространения неопротестантов является их неприязнь к исторической Церкви. Обработка неофитов неопротестантами в России и на Украине в обязательном порядке предполагает критику истинных или мнимых недостатков духовенства, искажение учения Церкви и поверхностное опровержение православного вероучения «по Библии». Например, лично опрошенные нами бывшие неопятидесятники рассказывали, как это видно и в опубликованных источниках, что на их собраниях регулярно пасторы или другие проповедники сравнивали свою «живую» веру с «мёртвым» православием, подробно

⁷ Киев: лидер общины «Посольство Божье» Сандей Аделаджа отстранён от служения после признания в прелюбодеянии // Благовест-инфо. — 2016. — 25 марта. — URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=67171> (дата обращения: 28.12.2021).

описывают, как им раньше было плохо в Церкви и как хорошо сейчас. При этом, судя по этим же нашим опросам, большинство неопятидесятников европейской части России — бывшие православные крещёные люди. Думается, сходная картина и в других регионах нашего Отечества и в прочих неопротестантских конфессиях.

Подобно этому и неоязычники ведут активную антиправославную миссию. Большое значение в этом имеют различные псевдоисторические мифы, призванные опорочить Церковь, доказать её еврейское происхождение, включить во всемирный сионистский заговор, а с другой стороны — в привлекательном виде показать язычество. Например, в журнале «Родноверие» (издаётся «Союзом славянских общин славянской родной веры») карикатурно и ложно выводится образ князя Владимира, бездоказательно заявляется о массовых гонениях на волхвов, так что Россия называется даже «родиной охоты на ведьм»; без сопоставления с зарубежными арабскими, европейскими и прочими источниками безосновательно обвиняется во лжи прп. Нестор Летописец (что не мешает при необходимости пользоваться «Повестью временных лет») и т. д. Практикуется и наклеивание ярлыков: например, «злой и мстительный Яхве», «ЗАО РПЦ» и проч. (Тулянов 2018: 3–4). Думается, справедливо А. А. Бесков видит в мировом движении неоязычества общую парадигму «недовольства господствующими религиями, претендующими на культуртрегерскую миссию и способными оказывать влияние на государственную политику» (Бесков 2017: 173). Можно даже распространить его вывод на прочие новые религиозные движения, обнаружив в них некую религиозную форму социального и духовного протеста. И такой вывод смыкается с обнаруженной в этих движениях гордостью как их главной движущей силой, заставляющей их противиться смиренному Богу, являющему Себя в Церкви.

Возможно, в наибольшей мере обнаруживают своё духовное родство неоязычники и свидетели Иеговы. Для них одинаково характерен радикализм по отношению к существующей политической системе. Неоязычников этот радикализм иногда приводит к национализму, неофашизму и экстремизму (Бонкало 2016), тогда как свидетелей Иеговы он же заставляет напряжённо ожидать Армагеддона, в котором погибнут все нечестивые человеческие правительства, духовенство ложных религий и прочие закоренелые грешники, противостоящие народу Иеговы⁸.

⁸ Армагеддон: начало новой, счастливой жизни // Сторожевая башня. — 2005. — 1 декабря; «Приближается ваше избавление!» // Сторожевая башня. — 2015. — 15 июля.

Эти ожидания в конечном счёте стали одной из причин признания их экстремистской организацией в 2017 году.

Как у неопротестантов, так и у неоязычников с принятием того или иного вероучения нельзя считать оконченным формирование личной веры. Скорее, человек приходит к необходимости конструировать свою веру, отталкиваясь от некоторых общих принципов, заложенных в вероучении. Поэтому в одной общине вполне могут быть баптисты или пятидесятники, по-разному представляющие всю панораму последних событий или возможность потерять личное спасение; адвентисты, воспринимающие Елену Уайт как истинного пророка Божия либо считающие, что её мнения устарели и уже не адекватны; язычники, воспринимающие идолов как настоящего бога либо как его образ либо вообще считающие божественными самих себя. При этом в ходе личной духовной эволюции взгляды на эти и другие вопросы могут меняться, так что на первый план выходит самоидентификация себя верующим.

Происходящие на Западе процессы реконструкции неопротестантских деноминаций и неоязыческих взглядов позволяют сделать некоторые предположения о перспективах их эволюции с учётом отсутствия для тех и других безоговорочного нравоучительного авторитета. Так, общеизвестны гендерные изменения у классических протестантов, которые по большей части признали однополые «браки», не отказывая таким людям в наследии Царства Божия. Западные неопротестанты (адвентисты, свидетели Иеговы, многие баптисты, большинство неопятидесятников) в целом пока более консервативны в вопросах морали. В неоязыческих публикациях этому вопросу не уделяется серьёзного внимания. В бытовом общении такого рода контакты часто признаются предвзятыми (что странно, потому что свидетельства арабских путешественников и византийских хронистов о гомосексуальности славян-язычников достаточно общеизвестны). Поскольку для неопротестантов важное значение имеет взаимосвязь с западными единоверцами, можно ожидать у них увеличения толерантности по этому вопросу. Взгляды же неоязычников в большей степени будут обусловлены общей эволюцией общественного мнения.

Ещё один интересный маркер — отношение к политике. Многие российские неоязычники с самого начала были носителями радикальной неонацистской идеологии. Однако в Германии, где ещё в 1970-х годах неоязычники были тесно ассоциированы с неонацистами, впоследствии акценты сменились на экологизм и поиски интернациональных общих

признаков язычества, в том числе путём исторических реконструкций. Отсюда исследователи говорят о националистическом неоязычестве (примерно с 1905 г.), экоспиритуалистическом язычестве (примерно с 1975 г.) и универсалистском неопаганизме (примерно с 1992 г.) (Грюнднер 2014: 120–121). Интересно замечание исследователя, что всё больше неоязычников переходят в виртуальную реальность и перестают участвовать в жизни больших общин, тем самым «неоязычество перестаёт быть элементом коллективной и становится элементом индивидуальной идентичности» (Там же). С некоторым опозданием те же тенденции, кажется, наблюдаются и в России. Однако, как и в случае с гендерной идеологией, местная специфика накладывает свой отпечаток: по-прежнему у нас много неонацистских языческих организаций, их участники активно воевали на Донбассе, причём с обеих сторон (Кахута 2018).

Тем не менее, будь то гендерные реформы, неонацистские взгляды или радикальный экологизм, все эти идеи равно далеки от Писания и православного вероучения. Их приятие в рассматриваемых сообществах обусловлено в первую очередь изменением общественного мнения, т. е. тем самым «духом времени», о котором говорится: *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей* (1 Ин. 2:15). Таким образом, все эти концепции не только показывают элементы внутреннего духовного родства между собой разных форм неопротестантизма и неоязычества, но и их общую антиправославную настроенность. В свою очередь, лишь неотмирность Церкви и её твёрдая приверженность Преданию могут стать гарантией продолжения её спасительной миссии в этом мире и залогом сохранения ею своего лица.

Проделанный анализ, хотя и нельзя считать исчерпывающим, ставит перед нами важнейший вопрос: как можно купировать основные причины, из-за которых люди уходят из Церкви в неопротестантизм и неоязычество? Трудно замахиваться на общецерковные стратегии, да и их эффективность зависит в немалой степени от реализации на местах. Поэтому решающим, видимо, можно считать приходской уровень. Основным инструментом воздействия на прихожан можно считать проповедь и воскресную школу. Следовательно, именно в проповеди и на занятиях воскресной школы нужно регулярно касаться деятельности язычников и неопротестантов.

Отчасти, наверное, это должен быть богословский анализ еретических заблуждений, а также основных религиозных представлений о Боге,

человеке, взаимоотношений Бога и человека, внутренней жизни души и проч. В целях борьбы с язычеством следует особый акцент делать на самоочевидных свойствах Божиих: что Он Творец мира, всемогущий, всеведущий, вездесущий, вечный, неизменяемый, всеблагий и источник всякой благодати, справедливый, милосердный. Именно с этих позиций стоит раскрывать домостроительство нашего спасения, обращаясь к этой теме как можно чаще, даже попутно, вплетая её в ткань других повествований. В самом деле, язычники чужды истинного богообщения, не имеют в себе истинной жизни, их ложные боги их не любят, они ничем не желают жертвовать ради них; эти несчастные люди обречены на внутреннее одиночество даже сейчас, а в вечности у них всё ещё более безнадежно.

Большое значение имеет также исторический аспект. Применительно к неопротестантам, например, он откроет ложность неисполненных обещаний, противоречивость пророчеств и заявлений, якобы исходящих от Святого Духа, нелепые или даже устрашающие практики, особенно у неопятидесятников («святой смех», «падение в духе», теология процветания, «четвёртое измерение» и т. д.). Нужно объяснять, в чём именно состоит истинное действие Святого Духа, как оно проявляло себя в истории Церкви. Для неоязычников, как представляется, важно не столько открыть летописные черты великого князя Владимира Красное Солнышко, сколько показать нечистоту и безнравственность древнерусского язычества (и язычества вообще), от которого именно поэтому сознательно и легко отказались наши предки. Следует рассказать об обрядах убийства вдов и ритуальных жертвоприношениях, о противоестественных пороках и разврате, ритуальном пьянстве и других отвратительных обычаях наших предков-язычников.

И хотя обычному прихожанину или священнику весьма непросто с ходу найти весь необходимый материал, до сих пор нет популярного изложения богословских и прочих несообразностей неопротестантизма и язычества на широком историческом фоне.

Разработка таких пособий представляется делом первостепенной важности, без них вряд ли можно рассчитывать на успехи в деле религиозного просвещения наших единоверцев. Такого рода книги можно было бы предлагать сомневающимся или их родственникам, даже и малоцерковным. Антиязыческие опыты такого рода уже сделаны иереем Георгием Максимовым (Максимов 2017) и М. Н. Кузнецовым (Кузнецов 2018), так что продолжение этой работы с участием

профессиональных историков сделало бы подобное издание цельным и убедительным. В отношении же неопротестантов, особенно неопятидесятников, состояние православной полемики пока оставляет желать лучшего. Будем надеяться, что в ближайшем будущем значимость проблемы будет осознана священноначалием, и это приведёт к необходимым издательским инициативам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бесков А. А. Причины возникновения феномена русского неоязычества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2017. — Т. 21. — С. 169–179.

Бонкало Т. И., Цыганкова М. Н. Неоязычество как фактор активизации неофашистских установок у членов российских националистических движений // Учёные записки Российского государственного социального университета. — 2016. — Т. 15. — № 4 (137). — С. 61–68.

Веселов Е. Г., иерей. Ложные пророчества в свете Христовой истины: православная оценка эсхатологических доктрин баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня и свидетелей Иеговы. — М. : У Никитских ворот, 2019. — 600 с.

Веселов Е. Г., иерей. Эсхатология сект протестантского происхождения: дис. ... канд. богословия. — Сергиев Посад, 2018. — 223 с.

Гайдуков А. В. Проблема иностранного влияния на развитие славянского нового язычества (родноверия) в России // Colloquium herptarplomeres : научный альманах. — 2016. — № 3. — С. 43–47.

Грюнднер Р. Неоязычество в Германии // Colloquium herptarplomeres : научный альманах. — 2014. — № 1. — С. 117–125.

Иларион (Троицкий), сщмч. Христианства нет без Церкви // Творения. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2004. — Т. 2. — С. 192–234.

Иоанн Златоуст, свт. Беседа перед отправлением в ссылку // Полное собрание сочинений. — М. : Эксмо, 2017. — Т. 3. — С. 446–450.

Иоанн Лествичник, прп. Лествица. — М. : Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2004. — 444 с.

Кахута И. О. Радикализм современных неоязыческих течений // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2018. — Т. 4 (70). — № 2. — С. 145–155.

Кузнецов М. Н. Российское неоязычество. История, идеи, мифы. — Рязань : Зёрна, 2018. — 176 с.

Ларина Т. И. Религиозные движения «New Age» как проявление культурной травмы // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. — 2015. — № 3. — С. 91–94.

Максимов Г., иерей. Православие и неоязычество: где правда? — М. : Миссионерское общество имени прп. Серапиона Кожеезерского, 2017. — 128 с.

Мартин У. Царство культов. — СПб. : Логос, 1992. — 352 с.

Симеон Новый Богослов, прп. Слова и гимны. — М. : Сибирская благовонница, 2011. — Кн. 2. — 720 с.

Тулянов В. А. Псевдоисторические взгляды родноверов (по материалам журнала «Родноверие») // Мировые цивилизации. — 2018. — Т. 3. — № 4. — С. 1–7.

Уайт Е. Великая борьба. — Заокский : Источник жизни, 2006. — 608 с.

Феофан Затворник, свт. Второе письмо в Санкт-Петербург // Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. — М. : Сибирская благовонница, 2011. — С. 237–281.

Форлайнс Ф. Л. Библейская систематика. — СПб. : Библия для всех, 1996. — 271 с.

Что думают учёные о «Велесовой книге» / сост. А. А. Алексеев. — СПб. : Наука, 2004. — 238 с.

Шиженский Р. В. Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 6. — С. 250–256.

Шиженский Р. В., Суroveгина Е. С. Начало международных контактов русских язычников XXI века: «Per aspera ad astra» // Горизонты цивилизации. — 2017. — № 8. — С. 291–309.

Шиженский Р. В., Суroveгина Е. С. Опыт анкетного опроса представителей «поволжского родноверия» // Вестник Мининского университета. — 2018. — Т. 6. — № 4(25). — С. 16.

Шиженский Р. В., Тютин О. С. Самоидентификация славянских язычников: социальный портрет, государство и образ лидера (по данным полевых исследований) // Новейшая история России. — 2016. — № 1. — С. 199–212.

Яшин В. Б. Рецепция элементов шаманского комплекса коренных народов Сибири в современном русском неоязычестве // Общество: философия, история, культура. — 2017. — № 2. — С. 111–114.

Сведения об авторе:

Веселов Евгений Геннадьевич, иерей — кандидат богословия, кандидат юридических наук, преподаватель Костромской духовной

семинарии, 156000, г. Кострома, ул. Симановского, 26/37, e-mail:
ev23@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 22.12.2022.

Neoprotestantism and Neopaganism as Forms of Opposition to the Orthodox Christianity in Russia

E. G. Veselov, priest

KOSTROMA THEOLOGICAL SEMINARY,
KOSTROMA, RUSSIA

Abstract. In medieval Russia and even later on, being Russian meant being an Orthodox Christian. And yet, neopaganism nowadays tries to promote the image of a truly Russian person as a non-Orthodox believer. It therefore seems interesting to compare the spiritual path of neoprotestants and neopagans, as equally seeking to remove believers from the Orthodox Church and offer alternative perspectives for their spiritual life. In both cases, the correlation between the need for the rejection of believers from the dominant Church and the cultivation of the sin of pride in them (the position of their personal preferences and the constant construction of a convincing picture of the world as the standard of correct faith) will serve as a working hypothesis of the study. In that case, neoprotestantism and neopaganism are both the forms of the overproud exaltation of the narrow human mind over the truth once given by God and kept by the Church. The fundamental position of personal preferences and the constant construction of a convincing picture of the world as the standard of correct faith is the practical realization of this idea. For neoprotestants, their personal freedom holds an absolute priority over the tradition. Therefore, belonging to a particular community takes as little importance for them as it does for neopagans. At the same time, neopaganism culturologically represents an example of the transition from modernity to postmodernity, being an example of placing faith in any concepts, even obviously artificial, eclectic or recently invented ones. Based on the evidence of St. John of the

Ladder and St. Luke (Voino-Yasenetsky), it is shown in the article that being in heresy or unorthodoxy indicates the theological ignorance and the unstable position of its adherents. This, in turn, gives rise to lies and other passions, examples of which are listed in the article. Neoprotestants and neopagans can be also united in their fundamental anti-historicism and the humiliation of the Holy Spirit. Ultimately, they are all forced to constantly supplement and construct their own faith, starting from some generally accepted principles. The current trends in the doctrines of neoprotestants and neopagans are therefore often based on the agreement with the “spirit of the times” and the authority of the public opinion.

Keywords: neo-Protestantism, neo-Pentecostalism, neo-paganism, Rodnoveriy, missiology

For citation: Veselov, E.G., priest. (2022). Neoprotestantism and Neopaganism as Forms of Opposition to the Orthodox Christianity in Russia. *Orthodoxia*, (3), 81–102. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-81-102

REFERENCES:

Beskov, A. A. (2017). Prichiny vozniknoveniia fenomena russkogo neoiazychestva [Causes of the Phenomenon of Russian Neo-paganism]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, (21), 169–179. [In Russian].

Bonkalo, T. I., Tsygankova, M. N. (2016). Neoiazychestvo kak faktor aktivni-zatsii neofashistskikh ustanovok u chlenov rossiiskikh natsionalisticheskikh dvizhenii [Neo-paganism as a Factor in the Activation of Neofascist Attitudes among Members of Russian Nationalist Movements]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 15(4), 61–68. [In Russian].

Chto dumaiut uchenye o “Vesovoi knige” [What do Scientists Think about the “Ves Book”]. (2004). Saint Petersburg: Nauka. [In Russian].

Forlains, F. L. (1996). *Bibleiskaia sistematika* [Biblical Systematics]. Saint Petersburg: Bibliia dlia vsekh. [In Russian].

Gaidukov, A. V. (2016). Problema inostrannogo vliianiia na razvitie sla-vianskogo novogo iazychestva (rodnoveriia) v Rossii [The Problem of Foreign Influence on the Development of Slavic New Paganism (Rodnoveriy) in Russia]. *Colloquium heptaplomeres*, (3), 43–47. [In Russian].

Griundner, R. (2014). Neoiazychestvo v Germanii [Neo-paganism in Germany]. *Colloquium heptaplomeres*, (1), 117–125. [In Russian].

Iashin, V. B. (2017). Retseptsiiia elementov shamanskogo kompleksa korennykh narodov Sibiri v sovremennom russkom neoiazychestve [Reception of the Elements of the Shamanic Complex of the Indigenous Peoples of Siberia in Modern Russian Neo-paganism]. *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, (2), 111–114. [In Russian].

Ilarion (Troitskii), hieromartyr. (2004). Khristianstva net bez Tserkvi [There is No Christianity without the Church]. In *Tvoreniia* [Works] (Vol. 2, pp. 192–234). Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrja. [In Russian].

John Chrysostom. (2017). Beseda pered otpravleniem v ssylku [Conversation Before Going into Exile]. In *Complete Works* (Vol. 3, pp. 446–450). Moscow: Eksmo. [In Russian].

John of the Ladder. (2004). *Lestvitsa* [The Ladder]. Moscow: Moskovskoe podvor'e Sviato-Troitskoi Sergievoi lavry. [In Russian].

Kakhuta, I. O. (2018). Radikalizm sovremennykh neoiazycheskikh techenii [Radicalism of Modern Neo-pagan Movements]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofii. Politologii. Kul'turologiia*, 4(2), 145–155. [In Russian].

Kuznetsov, M. N. (2018). *Rossiiskoe neoiazychestvo. Istoriia, idei, mify* [Russian Neo-paganism. History, Ideas, Myths]. Riazan': Zerna. [In Russian].

Larina, T. I. (2015). Religioznye dvizheniia "New Age" kak proiavlenie kul'turnoi travmy ["New Age" Religious Movements as a Manifestation of Cultural Trauma]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema*, (3), 91–94. [In Russian].

Maksimov, G., priest. (2017). *Pravoslavie i neoiazychestvo: gde pravda?* [Orthodoxy and Neo-paganism: Where is the Truth?]. Moscow: Missionerskoe obshchestvo imeni prp. Serapiona Kozheozerskogo. [In Russian].

Martin, U. (1992). *Tsarstvo kul'tov* [The Kingdom of Cults]. Saint Petersburg: Logos. [In Russian].

Shizhensky, R. V. (2009). Neoiazycheskii mif o kniaze Vladimire [Neo-pagan Myth about Prince Vladimir]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, (6), 250–256. [In Russian].

Shizhensky, R. V., Surovegina E. S. (2018). Opyt anketnogo oprosa predstavitelei "povolzhskogo rodnoveriia" [The Experience of a Questionnaire Survey of Representatives of the "Volga Rodnoverie"]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 6(4), 16. [In Russian].

Shizhensky, R. V., Surovegina, E. S. (2017). Nachalo mezhdunarodnykh kontaktov russkikh iazychnikov XXI veka: "Per aspera ad astra" [The

Beginning of International Contacts of Russian Pagans of the 21st Century: “Per aspera ad astra”]. *Gorizonty tsivilizatsii*, (8), 291–309. [In Russian].

Shizhensky, R. V., Tiutina, O. S. (2016). Samoidentifikatsiia slavian-skikh iazychnikov: sotsial’nyi portret, gosudarstvo i obraz lidera (po dannym polevykh issledovaniy) [Self-identification of Slavic Pagans: Social Portrait, State and Leader Image (According to the Field Research Data)]. *Noveishaia istoriia Rossii*, (1), 199–212. [In Russian].

Symeon the New Theologian. (2011). *Slova i gimny* [Words and Hymns] (Vol. 2). Moscow: Sibirskaia blagozvonnitsa. [In Russian].

Theophan the Recluse. (2011). Vtoroe pis’mo v Sankt-Peterburg [The second letter to St. Petersburg]. In *Pis’mo k raznym litsam o raznykh predmetakh very i zhizni* [Letters to Different Persons about Different Subjects of Faith and Life] (pp. 237–281). Moscow: Sibirskaia blagozvonnitsa. [In Russian].

Tulianov, V. A. (2018). Psevdoistoricheskie vzgliady rodnoverov (po materialam zhurnala “Rodnoverie”) [Pseudo-historical Views of the Rodnovers (Based on the Materials of the Rodnoverie Journal)]. *Mirovye tsivilizatsii*, 3(4), 1–7. [In Russian].

Veselov, E. G., priest. (2018). *Eskhatologiia sekt protestantskogo proiskhozhdeniia* [Eschatology of Sects of Protestant Origin] [Dissertation of Candidate of Theology]. Sergiev Posad. [In Russian].

Veselov, E. G., priest. (2019). *Lozhnye prorochestva v svete Khristovoi isti-ny: pravoslavnaia otsenka eskhatologicheskikh doktrin baptistov, piatidesiatnikov, adventistov sed’mogo dnia i svidetelei Iegovy* [False Prophecy in the Light of Christ’s Truth: An Orthodox Appraisal of the Eschatological Doctrines of Baptists, Pentecostals, Seventh-day Adventists, and Jehovah’s Witnesses]. Moscow: U Nikitskikh vorot. [In Russian].

White, E. (2006). *Velikaia bor’ba* [The Great Controversy]. Zaoksky: Istochnik zhizni. [In Russian].

About the author:

Eugeny Gennadevich Veselov, priest — Candidate of Theology, Candidate of Law, Lecturer, Kostroma Theological Seminary, 26/37 Simanovsky street, Kostroma, Russia, 156000, e-mail: ev23@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 22.12.2022.